

ЛЕВИЦКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЭКСКУРСІИ

Т. Г. ШЕВЧЕНКА

38
625
въ 1845—1846 гг.

О. И. ЛЕВИЦКАГО.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Верчанъ Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1894.

кн 1, т. 4, 20-

ЗБ

38
629

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЭКСКУРСІИ

V

кн 238

Т. Г. ШЕВЧЕНКА

32

въ 1845—1846 гг.

О. И. ЛЕВИЦКАГО.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1894.

15

Дозволено Цензурою Кієвъ 22 Февраля 1894 г.

25/07/94-28

2007099594

Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка въ 1845—1846 гг.

Быть можетъ, немногимъ изъ почитателей украинскаго поэта извѣстно, что онъ одно время состоялъ сотрудникомъ кievской Археографической Коммиссіи и исполнялъ въ ней не только художественныя работы; но и археологическія порученія; по крайней мѣрѣ, ни въ одной изъ біографій Т. Г. Шевченка нѣтъ даже упоминанія объ этомъ эпизодѣ въ его жизни. Между тѣмъ эпизодъ этотъ едва ли имѣлъ маловажное значеніе въ исторіи его развитія: служба въ учрежденіи, спеціально посвященномъ разработкѣ исторіи южнорусскаго края, непосредственное общеніе съ учеными изслѣдователями мѣстной старины, въ особенности же постоянныя экскурсіи въ разныя мѣста Малороссіи и югозападнаго края для изученія и собиранія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ старины, историческихъ пѣсенъ, легендъ, преданій и т. под.—все это, безъ сомнѣнія, составляло весьма благопріятную обстановку для молодого поэта и художника, лишеннаго въ дѣтствѣ и ранней юности школьнаго образованія и неудержимо рвавшася путемъ самообразованія пополнить недостаточность научныхъ свѣдѣній. Правда, занятія Шевченка въ Коммиссіи были очень кратковременны—они продолжались всего лишь около полутора года, но и несмотря на это они не могли остаться для него безрезультатными. Вотъ почему мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь короткую справку о служебной дѣятельности Т. Г. Шевченка въ званіи члена-сотрудника Кievской Археографи-

ческой Коммисіи и о тѣхъ порученіяхъ, какія на него были при этомъ возлагаемы.

Надо замѣтить, что Коммисія, учрежденная въ концѣ 1843 года, уже во второмъ году своего существованія значительно расширила кругъ своей ученой дѣятельности, распространивъ ее и на изслѣдованіе памятниковъ мѣстной археологіи. Не смотря на существованіе въ Кіевѣ, при учебномъ округѣ, спеціального учрежденія—„Временнаго Комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ“, дѣйствовавшего еще съ 1835 года и организовавшаго при университетѣ небольшой музей, генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибииковъ призналъ необходимымъ объединить обѣ задачи—археографическую и археологическую въ учрежденной при немъ Коммисіи и, не ограничиваясь однимъ Кіевомъ, распространить археологическія разысканія на территорию всего югозападнаго края и даже сосѣднихъ малороссійскихъ губерній—полтавской и черниговской. Въ маѣ 1845 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи Временнаго Комитета для изысканія древностей и о передачѣ его функцій Коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Побуждаемая страстнымъ любителемъ археологіи Д. Г. Бибииковымъ, Коммисія немедленно приступила къ исполненію новыхъ обязанностей. Въ засѣданіи 13-го іюня того же года была рассмотрѣна представленная проф. А. И. Ставровскимъ программа ближайшихъ археологическихъ изысканій. На первый разъ было признано необходимымъ: продолжить начатыя еще Комитетомъ раскопки фундаментовъ церкви св. Ирины въ Кіевѣ и двухъ кургановъ въ с. Вышгородѣ; отправить одного изъ членовъ для изслѣдованія остатковъ древнихъ памятниковъ вокругъ Кіева на пространствѣ 30-ти верстъ и особенно въ г. Васильковѣ и его окрестностяхъ; командировать въ г. Овручъ академика Солнцева и проф. Ставровскаго съ порученіемъ изслѣдовать развалины церкви св. Василія. Но прежде всего Коммисія признавала необходимымъ привести въ извѣстность всѣ сохранившіеся въ предѣлахъ югозападнаго края памятники древности—какъ историческіе (древніе храмы, замки и т. под.), такъ равно и первобытные (валы курганы, городища), чтобы на основаніи точ-

ныхъ свѣдѣній можно было приступить къ составленію полной и систематической программы археологическихъ изысканій въ краѣ. Такъ какъ собраніе требуемыхъ свѣдѣній превышало силы и средства Коммиссіи, то въ томъ же засѣданіи было постановлено: „просить генераль-губернатора предписать мѣстнымъ начальствамъ собрать свѣдѣнія о существующихъ въ кievской, подольской и волынской губерніяхъ курганахъ, остаткахъ древнихъ памятниковъ и преданіяхъ и доставить эти свѣдѣнія въ Коммиссію“.

Д. Г. Бибииковъ охотно исполнилъ желаніе Коммиссіи. Онъ обратился къ губернаторамъ и предводителямъ дворянства подвѣдомыхъ ему губерній съ циркулярнымъ приглашеніемъ озаботиться составленіемъ описаній всѣхъ древнихъ зданій, церквей, замковъ, въ особенности кургановъ и другихъ древнихъ памятниковъ и описанія эти, вмѣстѣ съ рисунками и чертежами, представить въ Коммиссію. При этомъ дана была въ руководство слѣдующая (составленная главнымъ въ то время дѣятелемъ Коммиссіи, проф. Н. Д. Иванисевымъ) инструкція: 1) При описаніи древнихъ зданій спрашивать свѣдущихъ людей о времени постройки и замѣчательныхъ происшествіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на существованіе этихъ зданій; 2) не ограничиваться однимъ изображеніемъ зданій церквей и монастырей, но описывать и древности внутри ихъ находящіяся: образа, церковную утварь и проч.; и 3) особенное вниманіе обратить на курганы, при чемъ описывать ихъ наружную форму, величину, матеріаль, изъ котораго они составлены, и преданія, имѣющія связь съ ихъ существованіемъ.

Но предписанія генераль-губернатора не исполнялись съ должнымъ усердіемъ. Волынской губернаторъ, представляя одинъ лишь перечень немногихъ памятниковъ древностей въ управляемой имъ губерніи, объяснялъ въ своемъ рапортѣ, что, „хотя о составленіи рисунковъ съ масштабомъ и проч. было имъ предписано чрезъ губернскаго уѣзднымъ землемѣрамъ, а также предводителямъ дворянства, но первый донесъ, что, по незнанію землемѣрами перспективнаго изображенія видовъ, нѣтъ между ними способныхъ сдѣлать требуемые рисунки; а предводители

отвѣчали, что, по ненахожденію въ уѣздахъ къ сей работѣ способныхъ людей, порученія этого они совершить не въ состояніи“. Д. Г. Бибииковъ сердился и на этомъ рапортѣ написалъ: „Отвѣчать, что быть не можетъ при усердіи, чтобы нельзя было исполнить того, что требуетъ начальство, и чтобы во всей губерніи не нашлось ни одного человѣка, кто бы умѣлъ рисовать; почему просить вновь составить рисунки и описанія и за этимъ наблюдать“. Но и повторительныя предписанія мало имѣли успѣха. Изъ волынской губ. были присланы лишь (въ 1845 г.) рисунки Острожской Богоявленской церкви и трехъ замковыхъ башенъ, сдѣланные подпоручикомъ строительнаго отряда Иванченкомъ; изъ кievской—Описание достопамятностей уманскаго уѣзда, составленное мѣстнымъ предводителемъ.

Оставалось прибѣгнуть къ тому приему, который далъ такіе прекрасные результаты въ дѣлѣ собранія для той же Комиссіи письменныхъ памятниковъ старины — командированію особыхъ чиновниковъ. Въ то время по всему югозападному краю безпрестанно разъѣзжали чиновники генераль-губернаторской канцеляріи, описывавшіе архивы и собиравшіе древніе акты и рукописи. Начиная съ 1845 г., на нихъ же было возлагаемо порученіе описывать и вещественные памятники древности; но между ними лишь немногіе обладали искусствомъ срисовывать видѣнные ими памятники. Настояла крайняя нужда въ опытныхъ рисовальщикахъ; по такихъ не было въ виду у Комиссіи.

Въ это именно время въ Кіевѣ появляется Т. Г. Шевченко на обратномъ пути послѣ посѣщенія (въ сентябрѣ 1845 г.) своей родины. Онъ пользовался уже въ Малороссіи широкою извѣстностью не только какъ даровитый украинскій поэтъ ¹⁾, но и какъ талантливый художникъ: въ 1844 г. вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ предпринятаго имъ художественнаго изданія „Живописная Украина“, въ программу котораго прежде всего входили „виды, по историческимъ воспоминаніямъ примѣчательныя: храмы, укрѣпленія, курганы и все, что время пощадило“, т. е. именно то, что такъ интересовало Д. Г. Биби-

¹⁾ Первое изданіе „Кобзаря“ вышло еще въ 1840 г., когда Т. Г. Шевченко находился въ академіи художествъ; въ 1842 г. онъ напечаталъ поэму „Гайдамаки“

кова и его ближайшаго сотрудника по управленію краемъ Н. Э. Писарева, вступившаго незадолго предъ тѣмъ (въ мартѣ 1845 г.) въ должность предсѣдателя кievской Археографической Коммиссіи. Въ виду однородности задачъ естественно было привлечь молодого художника-археолога къ участию въ археологическихъ изысканіяхъ Коммиссіи, что и было сдѣлано. Кто былъ инициаторомъ или посредникомъ въ этомъ дѣлѣ—неизвѣстно: Писареву могъ указать на Шевченка членъ-учредитель Коммиссіи М. А. Максимовичъ или же членъ-сотрудникъ П. А. Кулишъ, лично знавшіе его въ то время; но могло быть и такъ, что Писаревъ и самъ непосредственно пригласилъ его. Какъ бы то ни было, только въ ноябрѣ 1845 г. Д. Г. Бибииковъ командировалъ Шевченка въ полтавскую губернію „для нѣкоторыхъ разысканій“, съ выдачей ему казенной подорожной и 150 р. на расходы. Почему его командировали въ полтавскую губ., а не въ другое мѣсто—это понятно: губернія эта была выбрана „по ея извѣстности“ Шевченку, такъ какъ онъ въ теченіе двухъ предшествовавшихъ лѣтъ почти безвыѣздно странствовалъ въ ней и завелъ тамъ большія знакомства между помѣщиками. Молодому художнику, конечно, дана была въ руководство обычная инструкція, по ея, къ сожалѣнію, не сохранилось въ дѣлахъ Коммиссіи; можно полагать, что она была болѣе или менѣе однородна съ инструкціей, какая дапа была чиновнику генераль-губернаторской канцеляріи Тарасевичу, посланному для той же цѣли въ мартѣ 1846 г. въ черниговскую и полтавскую губ.: ему предписывалось „развѣдать, въ какихъ именно мѣстахъ и какіе находятся курганы, древнія развалины или мѣстности и урочища, замѣчательныя по извѣстнымъ историческимъ событіямъ; собрать свѣдѣнія о народныхъ преданіяхъ, разказахъ и легендахъ, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ; постараться достать отъ частныхъ лицъ и доставить въ Коммиссію для списанія и напечатанія нѣкоторые письменные памятники, относящіеся ко временамъ древняго быта Малороссіи, козацкихъ войнъ, переписки замѣчательныхъ лицъ и проч., и наконецъ, если представится случай, пріобрѣсти на счетъ Коммиссіи древніе акты, рукописи, древнія ве-

щи и старопечатныя книги“. Конечно, Т. Г. Шевченку, какъ художнику, даны были, сверхъ того, и спеціальныя порученія по снятію видовъ и древнихъ памятниковъ.

Сколько времени пробылъ Шевченко въ полтавской губ. и какія именно мѣста посѣтилъ въ то время—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній, такъ какъ отчетъ о результатахъ командировки, хотя былъ имъ представленъ генераль-губернатору, но въ дѣлахъ Коммиссіи не сохранился. Можно полагать лишь, что данное ему порученіе онъ исполнилъ удовлетворительно, такъ какъ 10 декабря того же 1845 г. состоялось постановленіе Коммиссіи: „просить г. генераль-губернатора о приглашеніи свободного художника академіи Тараса Шевченка въ званіе сотрудника Коммиссіи для снимковъ съ предметныхъ памятниковъ, съ назначеніемъ ему жалованья по 150 р. въ годъ“¹⁾. Годъ спустя отъ него потребовала канцелярія генераль-губернатора представленія формальнаго отчета объ израсходованіи выданныхъ ему на поѣздку денегъ. Шевченко представилъ требуемый отчетъ, при чемъ оказалось, что изъ числа полученныхъ имъ 150 рублей было издержано: на прогоны 31 р. 36 коп. и кормовыхъ 64 р. 80 коп., оставшіеся же неизрасходованными 53 р. 84 коп. были имъ возвращены въ канцелярію.

Въ концѣ 1845-го и въ началѣ 1846-го года Коммиссія занята была спѣшнымъ печатаніемъ „Древностей“—роскошнаго изданія съ 11-ю хромолитографированными таблицами, изображающими курганъ Перепетиху и предметы, найденные при его раскопкѣ. Въ изготовленіи этихъ рисунковъ принималъ участіе и Т. Г. Шевченко, хотя мы не можемъ съ точностью указать, какіе именно рисунки принадлежатъ ему и какіе—другому сотруднику-рисовальщику Сенчпллу-Стефановскому. Судя, однако, по воспоминаніямъ Аѳ.-Чужбинскаго, можно полагать, что въ началѣ 1846-го года Шевченко былъ командированъ въ черниговскую губернію для археологическихъ разысканій. Объ этой командировкѣ нѣтъ свѣдѣній въ дѣлахъ Коммиссіи, но Чужбин-

¹⁾ Незадолго предъ тѣмъ на такихъ же точно условіяхъ былъ принятъ (по прошенію) въ число сотрудниковъ Коммиссіи учитель рисованія при мѣстномъ институтѣ благор. дѣвиць А. Сенчилло-Стефановскій.

скій рассказываетъ, что въ началѣ февраля 1846 г. Тарасъ Григорьевичъ совершенно неожиданно заѣхалъ къ нему въ Исковцы (переесл. у.) и пригласилъ сопутствовать ему въ его археологическомъ путешествіи, такъ какъ онъ располагалъ срисовать древнюю утварь по церквамъ и монастырямъ черниговской губерніи. вмѣстѣ они посѣтили Нѣжинъ, гдѣ пріѣздъ „кобзаря“ возбудилъ всеобщій восторгъ, и оттуда отправились въ Черниговъ. Здѣсь они нашли довольно древностей, которыя необходимо было срисовать; кромѣ того Шевченко получилъ нѣсколько заказовъ на портреты. Изъ города поэтъ часто уѣзжалъ въ м. Сѣднєвъ, гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время въ кругу дружески ему знакомаго семейства Лизогуба. Тамъ онъ иногда и работалъ.

Весною оба пріятеля вмѣстѣ возвратились въ Кіевъ и поселились на Козьемъ болотѣ. Въ это именно время (въ мартѣ 1846 г.) Коммиссія выработала широкую программу для своей археологической дѣятельности. Параллельно съ изученіемъ древностей, объясняющихъ доисторическое существованіе народовъ, было рѣшено приступить къ собиранію матеріаловъ для научнаго и художественнаго описанія монументальныхъ памятниковъ въ южной Россіи, каковы древніе храмы, замки и т. под. Задумано было также изданіе видовъ Кіева и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ въ краѣ. Въ виду этого становится совершенно понятнымъ свидѣтельство А. Чужбинскаго о томъ, что Шевченко, по возвращеніи изъ Чернигова, „задумалъ срисовать важнѣйшія достопримѣчательности матери городовъ русскихъ, а также нѣкоторыя живописныя окрестности“. Онъ разыскалъ въ Кіевѣ своего стараго товарища по академіи Сажина, который согласился помогать ему, взявъ на себя отдѣлку деталей въ рисункахъ, и оба художника ежедневно пропадали съ самаго утра. Рисуя внутренность корридоровъ, ведущихъ къ пещерамъ, Шевченко между множествомъ нищихъ встрѣчалъ индивидуумы, драгоцѣнные для кисти художника. Много было, по словамъ Чужбинскаго, набросано имъ въ то время живописныхъ фигуръ, хотя неизвѣстно, куда эти рисунки дѣвались впоследствии. Срисовывая развалины Золотыхъ воротъ, поэтъ-

художникъ нашель однажды между валами (въ то время они еще существовали) заблудившюся трехлѣтнюю дѣвочку, посадилъ ее возлѣ себя на разостланный платокъ и изъ лоскутковъ бумаги дѣлалъ ей игрушки. Онъ готовъ былъ оставить ее у себя, если бы подлѣ Софійскаго собора не встрѣтилась мать, въ тревогѣ искавшая дѣвочку; ей онъ и вручилъ своего найденыша.

Среди этихъ занятій Шевченку, по словамъ Чужбинскаго, не разъ приходило желаніе написать большую картину. И мысль, и идея шевселились у него, и планъ неясно мелькалъ въ воображеніи; но онъ сознавалъ самъ, что родился больше поэтомъ, чѣмъ живописцемъ: во время обдумыванія картины, по его словамъ, „кто его знае видкиль несеться, несеться писня, складаються стихи, дывлюсь—уже й забувъ, про що думавъ, а мерщій напышешъ те, що навіялось“¹⁾.

Къ тому же времени, т. е. къ веснѣ 1846 года, относится начало знакомства поэта-художника съ Н. И. Костомаровымъ, съ которымъ онъ быстро сошелся и читалъ ему свои новыя поэтическія произведенія, приводившія въ совершенный восторгъ художника-историка. Въ іюнѣ друзья разстались: „я (пишетъ Костомаровъ) отправился въ Одессу на морское купанье, а Тарасъ съ профессоромъ Иванишевымъ поѣхалъ раскапывать какой-то курганъ“.

Дѣйствительно, съ половины іюня Иванишевъ, по порученію Коммиссіи, приступилъ къ раскопкамъ могилы Перепета, въ васильк. у., близъ м. Фастова. Это была громадная группа кургановъ и насыпей разной формы и величины, расположенныхъ въ правильномъ кругѣ, и потому не удивительно, что раскопки продолжались, съ небольшими перерывами, съ іюня до начала октября. Главнымъ помощникомъ проф. Иванишева въ этомъ дѣлѣ былъ сотрудникъ Коммиссіи Прушинскій, ведшій правильный журналъ раскопкамъ и рассчитывавшійся съ рабочими, но здѣсь же находился и Т. Г. Шевченко, записывавшій, вмѣстѣ съ Прушинскимъ, народныя преданія и дѣлавшій рисун-

¹⁾ „Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка“, М. К. Чалаго, стр 53—59.

ки ¹⁾). Раскопки Перепета, какъ известно, не привели къ цѣннымъ археологическимъ результатамъ. Нѣсколько значительнѣе были поиски, произведенные въ то же лѣто на Бѣлокняжескомъ полѣ, гдѣ проф. Иванишевъ раскопалъ Малую и Острую могилы. Принималъ ли участіе въ ихъ раскопкѣ и Шевченко—неизвестно.

Между тѣмъ съ ранней весны того же 1846 года генераль-губернаторъ Бибииковъ командировалъ нѣсколькихъ чиновниковъ своей канцеляріи въ разные мѣста для археологическихъ поисковъ: въ мартѣ В. Осовскій былъ посланъ въ липовецкій уѣздъ, гдѣ онъ осматривалъ могилу Сороку, близъ м. Дашева, и записалъ нѣсколько народныхъ преданій; Тарасевичъ ѣздилъ въ полтавскую и черниговскую губерніи; Яниковскій снималъ виды кургановъ въ богуславскомъ и звенигородскомъ у.; Янишевскій былъ командированъ въ подольскую губ., Скорупскій въ волынскую. Т. Г. Шевченко въ теченіе весны и лѣта не былъ посланъ никуда, очевидно, потому, что все это время онъ былъ занятъ—сначала срисовываніемъ древностей въ Кіевѣ, а затѣмъ участіемъ въ раскопкахъ вмѣстѣ съ проф. Иванишевымъ. Но осенью и онъ не избѣжалъ командировки. Въ дѣлахъ Коммиссіи сохранилась копія слѣдующаго предписанія, даннаго ему генераль-губернаторомъ Бибииковымъ, отъ 21 сентября 1846 года:

„Сотруднику временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ Шевченкѣ.

„Поручаю вамъ отправиться въ разные мѣста кіевской, подольской и волынской губерній и постараться собрать слѣдующія свѣдѣнія: 1) о народныхъ преданіяхъ, мѣстныхъ повѣстьяхъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ, и всему, что вы узнаете, составить описаніе, а пѣсни, рассказы и преданія сколько можно списать въ томъ видѣ, какъ они есть; 2) о замѣчательныхъ курганахъ и урочищахъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ они есть и какія на счетъ собственно ихъ существуютъ на мѣстѣ преданія и рассказы, а также и историческія свѣдѣнія; съ этихъ

¹⁾ Журналъ Прушинскаго сохранился въ дѣлахъ Коммиссіи, но представленная имъ при рапортѣ особая тетрадь съ записью народныхъ преданій и девятью рисунками неизвестно куда исчезла.

кургановъ снятъ эскизы съ изображеніемъ ихъ формы и величины и описать каждый по собраннымъ свѣдѣніямъ. 3) Осмотрѣть замѣчательные монументальные памятники и древнія зданія и составить имъ описаніе, чтобы можно было распорядиться снять съ нихъ въ будущемъ году рисунки. Еслибы гдѣ-либо вы имѣли возможность достать какія-либо древности, письменныя грамоты и бумаги, то таковыя доставить ко мнѣ или, узнавъ, гдѣ онѣ находятся, о томъ довести. 4) Кромѣ того, отправьтесь въ Почаевскую Лавру и тамъ спишите: а) общій наружный видъ лавры, б) внутренность храма и в) видъ на окрестность съ террасы.—Всѣ собранныя вами свѣдѣнія, описанія и рисунки, по возвращеніи вашемъ въ Кіевъ, представить ко мнѣ. Подорожную и примѣрно на прогоны и кормовые 150 рублей сер., при расходной тетради, вы получите изъ моей канцеляріи“.

Въ то-же время Т. Г. Шевченко снабженъ былъ слѣдующимъ „открытымъ предписаніемъ“:

„Предъявителю сего, сотруднику Высочайше учрежденной при мнѣ временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, свободному художнику Шевченкѣ поручено собрать въ кievской, подольской и волынской губерніяхъ разныя свѣдѣнія о народныхъ преданіяхъ и разказахъ, о курганахъ, древнихъ памятникахъ, а также собрать древніе акты, бумаги и т. под.; почему предписывается городскимъ и земскимъ полиціямъ кievской, под. и вол. губерній оказывать г. Шевченкѣ при исполненіи возложеннаго на него порученія самое дѣятельное законное содѣйствіе“.

Кромѣ того, Т. Г. Шевченку были вручены четыре пакета для личной передачи губернаторамъ—подольскому и волынскому и преосвященнымъ—Арсенію, архіепископу подольскому, и Никанору, архіепископу волынскому: ко всѣмъ этимъ лицамъ Д. Г. Бибиковъ обращался съ просьбою „не оставить распоряженіемъ, чтобы г. Шевченкѣ оказываемо было, при исполненіи возложеннаго на него порученія, надлежащее законное содѣйствіе“.

Какія именно мѣста посѣтилъ поэтъ-художникъ и какіе памятники древности были имъ осмотрѣны—неизвѣстно, такъ

какъ представленный имъ подробный отчетъ, вмѣстѣ съ рисунками и текстомъ народныхъ преданій, пѣсенъ и т. под., не сохранился въ дѣлахъ Коммиссіи. Можно полагать, что прежде всего онъ направился въ Каменецъ-Подольскій, потому что, спустя двѣ недѣли послѣ его выѣзда, получено было отъ архіепископа Арсенія письмо *отъ 2-го октября*, съ увѣдомленіемъ генераль-губернатора, что, согласно его желанію, послано окружное предписаніе духовнымъ мѣстамъ и лицамъ подольской епархіи „о надлежащемъ содѣйствіи по собранію художникомъ г. Шевченкомъ разныхъ свѣдѣній о народныхъ преданіяхъ, древностяхъ и о прочемъ“; такое же увѣдомленіе, помѣченное 7 октября, получено было и отъ каменецъ-подольскаго гражд. губернатора, генераль-майора Радищева. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что Шевченко посѣтилъ въ то время Почаевскую Лавру и успѣшно выполнилъ данное ему порученіе: объ этомъ свидѣлствуютъ случайно сохранившіеся въ частныхъ рукахъ и лишь недавно разысканные *подлинныя его рисунки*, изображающіе почаевскіе виды ¹⁾. Въ дѣлахъ же Коммиссіи сохранился лишь рапортъ Шевченка (отъ 31-го декабря 1846 г.) на имя генераль-губернатора съ представленіемъ остатка въ 34 р. 69 коп. изъ числа отпущенныхъ ему на поѣздку 150 рублей и шнуровой расходной тетради, которой, однако, нѣтъ въ дѣлѣ.

Въ первый день праздника Рождества Христова того же 1846 года Т. Г. Шевченко, какъ извѣстно, присутствовалъ, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, на вечеринкѣ въ квартирѣ Н. Гулака, гдѣ велись рѣчи о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ, подслушанныя сосѣдомъ и имѣвшія такое роковое послѣдствіе для участниковъ. Послѣ праздниковъ онъ уѣхалъ въ черниговскую губернію, но уже не по порученію Коммиссіи, а по собственной инициативѣ. По свидѣтельству П. А. Кулиша, онъ отправился съ тою цѣлью, чтобы собрать свои рукописи, оставленные имъ въ разныхъ домахъ, гдѣ онъ гостилъ въ послѣднее время. Дѣло въ томъ, что въ жизни поэта должны были совершиться важныя перемѣны: съ одной стороны, ему обѣща-

¹⁾ Объ этихъ рисункахъ см. сообщеніе въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ.

но было мѣсто учителя рисованія при кievскомъ университетѣ, о чемъ хлопотала, въ числѣ другихъ, княгиня Репнина, близкая родственница тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, а съ другой—одна изъ его почитательницъ предложила денежныя средства, достаточныя для трехлѣтняго пребыванія поэта въ Италіи съ цѣлью усовершенствованія художественнаго его таланта. Хлопоты княгини Репниной скоро увѣнчались успѣхомъ, но Шевченко ничего не зналъ объ этомъ, безпечно предаваясь веселому бездѣлью среди гостепріимныхъ земляковъ. „Я оце й доси въ Борзни—писаль онъ 1-го феврала Костомарову—и не роблю ничогисенько, лежу собі та й годи... подвизаюсь потроху то коло чарокъ, то що.. У Кіевъ страхъ йїхать не хочеться, а треба. Колибъ то вы были таки трудящи й добри, щобъ распыталы, чи я утвержденый при университети, чи ни?.. Колибъ то Богъ давъ мени прытулыться до университету, дуже бъ добре було! Напышитъ, будьте ласкави, якъ що добре почувете“. Несмотря на собственное сознаніе необходимости поскорѣе возвратиться въ Кіевъ, поэтъ вскорѣ послѣ этого письма очутился въ Черниговѣ да и засѣлъ тамъ въ излюбленной имъ Цареградской гостинницѣ. Къ этому времени относится письмо къ нему Н. И. Костомарова, безъ даты, но, по всей вѣроятности, писанное въ февралѣ: „Тарасе! Доки ты, братику, сидитемешь у тій Цареградскій гостыныци? Прыїзды у Кіевъ: я зацевне дознався, що тебе вже постановлено учителемъ малярского искусства въ университети, у выди опыта, якъ кажуть. Иванишовъ тобі кланяється и каже, щобъ ты прыїздывъ до Кіева. Ще разъ кажу тобі щобъ ты не гулявъ у Чернигови, колы нема пыльного казенного дила“. Но безпечный художникъ не внялъ дружественному призыву—и поплатился за это исключеніемъ изъ состава Комиссіи. Вотъ подлинный актъ объ его исключеніи: „1847 г. марта 1-го дня. Временная Комиссія для разбора древнихъ актовъ, имѣя въ виду, что сотрудникъ Комиссіи Шевченко безъ всякаго согласія Комиссіи отлучился изъ Кіева и по Комиссіи не занимается, опредѣлили: исключить его изъ числа сотрудниковъ Комиссіи съ прекращеніемъ производившаго-

ся ему жалованья по 12 р. 50 коп. сер. въ мѣсяцъ“. Подписали: председатель Н. Писаревъ, члены: В. Чеховичъ, Ал. Ставровскій, А. Селинъ, дѣлопроизводитель Н. Иванишевъ¹⁾).

Таковъ былъ финалъ непродолжительной службы Т. Г. Шевченка въ археографической комиссіи. Вѣроятно, его своевременно увѣдомили о постигшей его непріятности, потому что послѣ этого онъ болѣе мѣсяца оставался въ Черниговѣ и главнымъ образомъ въ Сѣднѣвѣ, у Лизогуба. Между тѣмъ 31-го марта въ Кіевѣ были арестованы Костомаровъ, Гулакъ, Бѣлозерскій и др. Ничего не зная объ этомъ, Т. Г. Шевченко въ началѣ апрѣля разстался наконецъ съ черниговскими пріятелями и направился въ Кіевъ; но едва вступилъ на паромъ, служившій въ то время, по случаю разлива Днѣпра, средствомъ переправы, какъ съ нимъ (по его собственному выраженію) „таке трапылось, що противъ-ночи не треба й розказувать“: его арестовали и черезъ нѣсколько дней отправили въ Петербургъ, а оттуда за Уралъ.

По причинѣ отсутствія изъ Кіева, Шевченко не получилъ изъ Коммисіи причитавагося ему жалованья за январь и

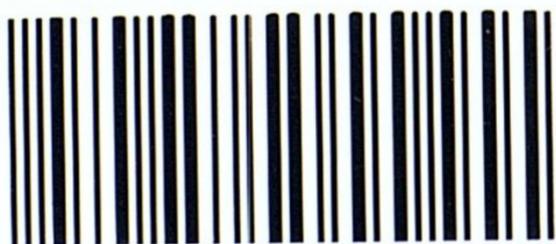
¹⁾ Покойный И. П. Новицкій, сообщившій этотъ актъ для напечатанія въ „К. Старинѣ“ (1882 г. мартъ), далъ ему въ своихъ комментаріяхъ цѣлѣнное освѣщеніе. Во-первыхъ, онъ утверждалъ, будто это постановленіе состоялось „послѣ ареста“ Шевченка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно состоялось болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до ареста. Во-вторыхъ, онъ какъ-будто недоумѣвалъ, какимъ образомъ Т. Г. Шевченко, состоявшій, по его мнѣнію, всего лишь „въ качествѣ рисовальщика“ при Коммисіи, могъ быть уволенъ за то, что „безъ всякаго согласія Коммисіи (при этихъ словахъ акта комментаторъ ставитъ: *sic!*) отлучился изъ Кіева“. Это недоумѣніе объясняется очень просто. Т. Г. Шевченко состоялъ не простымъ рисовальщикомъ при Коммисіи, а членомъ-сотрудникомъ, утвержденнымъ въ этомъ званіи генераль-губернаторомъ и получавшимъ опредѣленное содержаніе. Въ то время Коммисіа составляла не что иное, какъ одно изъ отдѣленій генераль-губернаторской канцеляріи, правитель которой (Н. Э. Писаревъ) былъ вмѣстѣ и председателемъ Коммисіи; поэтому всѣ лица, принимавшія участіе въ занятіяхъ Коммисіи и получавшія жалованье, считались состоящими на государственной службѣ и потому подвергались всѣмъ ограниченіямъ, связаннымъ съ этимъ состояніемъ. Что актъ объ исключеніи Шевченка не былъ лишь намѣреніемъ Коммисіи прилично оформить его выбытіе по случаю ареста (какъ склоненъ былъ, по-видимому, понимать его И. П. Новицкій)—лучше всего видно изъ того, что точно такое же постановленіе состоялось 3 іюня того же года относительно другого сотрудника Коммисіи, рисовальщика Сенчилла-Стефановскаго, который ни аресту, ни высылкѣ не подвергался, но маскировалъ занятія въ Коммисіи. Впослѣдствіи онъ, однако, снова былъ принятъ на прежнюю должность.

февраль 1847-го года, которое, однако, по бухгалтерской книгѣ своевременно было выписано въ расходъ. Коммиссія долго не знала, какъ поступить съ этими деньгами, и наконецъ 20-го августа того же года составила слѣдующее журнальное опредѣленіе: „Такъ какъ художникъ Шевченко уволенъ отъ званія сотрудника Коммиссіи и въ настоящемъ году онъ не имѣлъ никакихъ по Коммиссіи занятій и не находится на лице, то выведенное въ расходъ жалованье его за январь и февраль мѣсяцы, всего двадцать пять рублей сер., не выдавать ему, а записать въ приходъ по книгѣ, о чемъ и предписать казначею“.

Это—последнее упоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ въ дѣлахъ Коммиссіи.

Всего печальнѣе то обстоятельство, что сдѣланные имъ по порученію Коммиссіи рисунки, равно какъ и собранные во время экскурсій археологическіе и этнографическіе матеріалы не были употреблены въ дѣло и впослѣдствіи погибли безслѣдно. Та же печальная судьба постигла и всѣ вообще многочисленные и разнообразныя матеріалы о древностяхъ югозападнаго края, какіе собраны были въ періодъ 1845—1848 гг. командированными для этой цѣли чиновниками генераль-губернаторской канцеляріи, предводителями дворянства и другими административными и частными лицами. Располагая незначительными матеріальными средствами, Коммиссія изъ года въ годъ откладывала изданіе этихъ цѣнныхъ матеріаловъ; а тѣмъ временемъ лица, коимъ они передавались для просмотра и приготовленія къ изданію, выбывали и смѣнялись. Послѣ ухода Н. Э. Писарева, назначеннаго въ 1848 г. олонекимъ губернаторомъ, и въ особенности послѣ перемѣщенія Д. Г. Бибикова, въ средѣ Коммиссіи вообще значительно охладѣлъ интересъ къ археологіи, а съ 1854 года для нея настали такія бѣдственныя времена, когда она, лишенная почти всякихъ денежныхъ средствъ, едва не прекратила своего существованія и всего менѣе могла помышлять объ изданіи когда-то собранныхъ ею археологическихъ матеріаловъ. Эта печальная эпоха, вѣроятно, и была временемъ ихъ безслѣднаго исчезновенія.

О. Левицкій.

2007099594